

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1989

12

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

ХРОНИКА

ВЫБОРЫ В АКАДЕМИИ НАУК УзССР

На состоявшемся 8—9 декабря 1989 г. общем собрании Академии наук Узбекской ССР состоялись выборы новых ее действительных членов и членов-корреспондентов. Всего избрано 9 действительных членов и 38 членов-корреспондентов. В результате количество действительных членов АН УзССР выросло до 49, а членов-корреспондентов — до 100 человек.

В числе избранных действительными членами (академиками) АН УзССР — Ш. Э. Уразаев (право) и М. М. Хайруллаев (философия).

Членами-корреспондентами АН УзССР избраны 15 ученых-обществоведов Узбекистана: Б. А. Ахмедов (источниковедение), Ж. Б. Базарбаев (философия), А. К. Валиев (диалектический и исторический материализм), С. С. Гулямов (экономика), М. И. Искандеров (история КПСС), У. Исламов (археология), А. П. Каюмов (источниковедение), И. Кучкартаев (языкознание; тюркские языки), С. Мамаджанов (литература народов СССР), А. Р. Мухамеджанов (история науки и техники), Б. Н. Назаров (литература народов СССР), Х. П. Пулатов (диалектический и исторический материализм), Р. А. Сафаров (история науки и техники), А. Ходжиев (языкознание; тюркские языки), М. Шарифходжаев (экономика).

Горячо поздравляя всех избранных товарищей, научная общественность республики желает им новых творческих успехов в разработке актуальных проблем, стоящих перед общественными науками в условиях перестройки и обновления социализма.

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ: ТЕОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ»

15—16 ноября 1989 г. в Институте истории АН УзССР состоялась научно-теоретическая конференция «Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане: теория, проблемы, перспективы изучения», организованная республиканской секцией научного Совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». В ее работе приняло участие свыше 30 докладчиков из Москвы, Ташкента, Алма-Аты, Андижана, Бухары, Душанбе, Самарканда, Нукуса, Новосибирска, Фрунзе.

Открывая конференцию, акад. АН УзССР А. А. Аскарлов подчеркнул, что Великая Октябрьская социалистическая революция явилась крутым поворотом в судьбах нашей страны и всего человечества. Вместе с тем, отметил он, мы сейчас критически переоцениваем опыт Октябрьской революции, пытаемся отделить в нем позитивное от негативного, творчески обогащая первое и решительно отказываясь от второго.

Трудности в осуществлении глубоких реформ в политической, социально-экономической, духовной сферах жизни нашего общества показали, что упрощенный подход к ним должен уступить место реальным представлениям, способным устранить очевидный разрыв между пробужденными ожиданиями и практическими результатами.

Теперь уже ясно, что не отдельные, а все ключевые проблемы Октября требуют нового подхода, как в общетеоретическом и методологическом, так и в конкретно-историческом и даже сугубо фактологическом отношении.

Создание правдивой и объективной картины сложного и противоречивого развития нашего общества от Октября к периоду перестройки только начинается. Именно поэтому представляют огромный интерес новые подходы к ее пониманию, предложенные участниками конференции. Их точки зрения в основном сводятся к следующему.

Народы Средней Азии были первыми, кому история предоставила возможность использовать возникшие в результате Великого Октября благоприятные условия для перехода от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития (доктор ист. наук Ф. Х. Касымов, Бухара). Они использовали эту возможность и одновременно с другими народами нашей страны пришли к социализму. Но возникает вопрос — к какому социализму они пришли, какой социализм строили? Из одних ли достижений и побед соткан путь некапиталистического развития среднеазиатских народов или были на этом пути потери и ошибки? Есть смысл разобраться в вопросах жизнестойкости того государственного образования, которое пришло на смену феодальному правлению. И если начинать с момента его возникновения, то закономерно встает вопрос о степени зрелости предпосылок социалистической революции.

Возникшие в последнее время попытки объяснить трудности и сбой в социалистическом строительстве в период культа личности и застоя отсутствием объектив-

ных предпосылок для социалистической революции, отсутствием демократических традиций, сравнительно низким уровнем развития капитализма в России, а применительно к Средней Азии — минованием капиталистической стадии развития, едва ли можно назвать оригинальными (доктор ист. наук Р. Я. Раджапова, Ташкент). А была ли вообще необходимость ждать вызревания всех предпосылок социализма в недрах капитализма? (доктор ист. наук Д. С. Бактыгулов, Фрунзе). Ведь в конце XIX — начале XX в. именно Российская империя с ее колониями стала узловым пунктом наиболее острых противоречий мирового капитализма. Поэтому вполне естественно считать, что именно она созрела для социалистической революции. А что касается таких окраин, как Средняя Азия, то она не могла не подвергаться воздействию общих законов капитализма, тем более, что распространение и развитие военно-феодалного империализма России на ее территории сопровождалось ростом национального гнета, дальнейшим обнищанием народных масс. Следовательно, в Средней Азии, если рассматривать ее как составную часть Российской империи, к моменту Октябрьской революции не могли не созреть некоторые ее материальные и другие предпосылки. Ведь социально-экономические процессы как в Центре, так и на национальных окраинах России развивались в одном направлении, различаясь лишь в уровнях и темпах. Этим и подтверждалась закономерность процесса складывания предпосылок буржуазно-демократической и социалистической революции во всех частях Российской империи. Такова точка зрения одних участников дискуссии.

Нетрадиционная позиция была занята другой группой ученых, считающих Россию, а тем более Среднюю Азию, регионами, в которых не сложилось достаточно серьезных предпосылок для перехода к социализму. Однако это не означало, что здесь отсутствовали предпосылки политического переворота (канд. ист. наук А. Ч. Абуталипов, Ташкент). Эти предпосылки возникли в результате очевидной невозможности последовательного продолжения прогрессивных общественных процессов, начатых Февралем, и решения насущных проблем российского общества в рамках сложившегося политического режима, что сделало неизбежной его ломку, которую и осуществил пролетариат во главе с большевиками.

В целом, как отметил ряд участников конференции, вопрос о предпосылках в теоретическом плане не проработан. Он требует научного осмысления, как и то, какой тип политической революции осуществился в Среднеазиатском регионе, если исходить из неравномерности социально-экономического развития колониальной России, а следовательно, из вытекающих отсюда различий в характере революций в метрополии и ее колониях (канд. ист. наук Л. А. Попова, Ташкент). Значит, можно ли то, что произошло в октябре 1917 г., назвать революцией социалистической в полном смысле этого слова, а если да, то была ли у народов Средней Азии другая альтернатива развития?

Вопрос о возможных путях развития революции — не новый. Он поднимался еще в книге П. Г. Галузо «Туркестан — колония» (1929 г.). Этот вопрос, в частности, зависел от союзника среднеазиатского дехканства в революции и его руководителя. С учетом того, что к ее началу в их числе были русско-национальный пролетариат и местные господствующие классы, определилось два возможных пути развития революции. Первый из них — под руководством местных господствующих классов — не мог привести к завершению буржуазно-демократической национально-освободительной революции — в этом были классовые интересы его руководителя. Второй путь — под руководством пролетариата — неизбежно вел к перерастанию революции национально-освободительной в революцию социальную. Революция 1917 г. пошла по второму пути, хотя история революционной борьбы в крае в предоктябрьский период далеко не завершила его подготовку.

Незаконченность этой подготовки получила свое отражение в первоначальном периоде революции в Средней Азии, когда русский пролетариат, понимая сущность прошедшей революции как «чисто пролетарской», своей политикой определенным образом играл на руку национальным господствующим классам, боровшимся за первый путь революции (доктор ист. наук Р. Я. Раджапова).

По мнению доктора ист. наук А. М. Юлдашева (Ташкент), вопрос об альтернативах развития Средней Азии в исторической литературе всегда игнорировался. А ведь он тесно связан с вопросом о том, какой социализм мы построили. Может быть тот, который К. Маркс и Ф. Энгельс называли «бисмарковским»? А может, еще и еще раз обращаясь к печальному опыту нашего экономического упадка, уходящего глубокими корнями в годы Октябрьского переворота, нам приходится пожинать плоды «экспортированной» революции? (Л. А. Попова). Насколько правомерным был вывод о возможности перехода от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития? Все эти проблемы требуют серьезного изучения. Но выходить на такие обобщающие выводы можно, лишь восстановив историческую правду.

Проблем, требующих нового подхода, — множество. Взять хотя бы вопрос о «чистой» революции. Ведь в литературе устоялась точка зрения о том, что Октябрьская революция — это продукт союза пролетариата с беднейшим крестьянством. По мнению ряда выступавших, это типично сталинский вывод (доктор ист. наук Д. С. Бактыгулов, Фрунзе). Неверность такого подхода особенно очевидна при изучении истории Средней Азии (канд. ист. наук В. П. Булдаков, Москва). Клас-

совое и социальное размежевание шло здесь совсем не по тем линиям, что на Западе. Это нужно учитывать. Ведь от того, насколько мы избавимся от стереотипов, будет зависеть развитие исторической науки. Наши западные коллеги в этом плане кое в чем нас обогнали. Они исходят не из общероссийской модели, а из мирового опыта. В отношении Средней Азии решение этих вопросов немыслимо без анализа национального фактора. Ведь в революцию втягиваются миллионы людей со своими национальными, религиозными и иными традициями, которые нельзя не учитывать.

Недооценка национального фактора, обеднение последнего воздвигали серьезную преграду на пути осмысления действительных процессов, происходивших в регионе накануне революции и после ее свершения (доктор ист. наук Р. Я. Раджапова). Если взять, например, политическую структуру, то традиции мусульманской общности предполагали иные формы политических партий. И Мусбюро в составе КПТ замысливалось как одна из таких специфических форм (доктор ист. наук Л. В. Гентшке, Ташкент). И без серьезного анализа причин раздробления Компартии Туркестана на партии иностранных коммунистов, Мусбюро и т. д. мы вряд ли сможем объективно подойти к освещению особенностей деятельности большевиков после революции. Надо переосмыслить сложившийся в исторической литературе стереотип оценки деятельности Мусбюро. Известно, например, что Мусбюро (образованное весной 1919 г.) было призвано вести организационно-партийную, идеологическую работу среди местных трудящихся с учетом национальной специфики в рамках единой партийной организации Туркестанского края. Однако наряду с определенной положительной работой в его деятельности во все большей степени стали проявляться сепаратистские тенденции, выражавшиеся в стремлении к самостоятельному решению вопросов, без согласования с Крайкомом КПТ, что наносило ущерб монолитности партийных рядов.

Единство Компартии Туркестана было восстановлено в январе 1920 г. на V Краевой конференции коммунистических организаций, высказавшейся за упразднение Мусбюро и объединение всех партийных организаций республики в интернациональный коллектив. В этой связи возникает вопрос: насколько правомерно было создание Мусбюро? К сожалению, эта актуальная проблема лишь поставлена в научной литературе и осталась пока глубоко не изученной. Столь же слабо исследована деятельность Краевого Комитета иностранных коммунистов и его секций на территории Туркестана. А это надо сделать уже потому, что большой отряд зарубежных интернационалистов (бывших военнопленных) сыграл существенную роль в защите Туркесреспублики от внутренней и внешней контрреволюции.

Необходимо проанализировать социальный состав местных партийных организаций. Сейчас уже ясно, что в основном они были крестьянскими. Не исключено, что, совершая серьезные ошибки в своей работе, они объективно в какой-то мере создавали почву для развития басмачества (доктор ист. наук К. Х. Хасанов, Ташкент), хотя зародилось оно еще до революции.

Белым пятном политической истории Туркестана остается и вопрос о взаимоотношениях коммунистов с партией «левых» эсеров. Этот вопрос в исторической литературе показан односторонне (канд. ист. наук М. Г. Маликов, Ташкент). А ведь в программе партии «левых» эсеров было и много разумного. Так, по мере приближения революции они стали выступать против империалистической войны, за революционное решение аграрного вопроса, за разрыв с буржуазией. Объективно это вело к ослаблению блока реакционных сил и укреплению позиций пролетариата и его партии. Поддержка «левыми» эсерами большевиков во вопросу о власти в Ташкенте привела, например, к изгнанию 11 сентября 1917 г. из Исполкома Ташкентского Совета правых эсеров и меньшевиков-оборонцев, а 12 сентября 1917 г. представители правых не были допущены в Революционный комитет. Основная масса «левых» эсеров вообще стояла на стороне Советской власти и первых ее мероприятий. Но в их программе ставились и задачи, отличные от большевистских. Например, они предлагали не национализацию, а социализацию предприятий и земли, т. е. их передачу в руки трудовых коллективов (доктор ист. наук Р. А. Нуруллин, Ташкент).

Совершенно не изученными пока остаются проблемы формирования буржуазных политических партий (канд. ист. наук Р. М. Абдуллаев, Ташкент). Думается, что в Туркестане, в силу незавершенности классовой дифференциации внутри национально-освободительного движения, политическая консолидация национальной буржуазии еще не достигла организационного оформления в полном смысле этого слова. Поэтому политические организации, которые существовали и создавались здесь в 1917 г., можно лишь условно называть партиями. В их числе следует отметить «Шуро-и-Ислам» («Совет ислама»), основанный в начале марта 1917 г., и отколовшийся от нее в июне 1917 г. «Шуро-и-Улема» («Совет духовенства»), а также «Алаш», возникший еще в 1905 г., и др. С новых позиций надо подойти к оценке партии кадетов как наиболее крупной буржуазной партии, имевшей уже после первой русской революции свои филиалы в Коканде, Фергане, Ташкенте, Самарканде и других городах края. Представляется необходимым анализ идеологии партии, члены которых проходили в литературе под ярлыком националистов.

Анализировать историю политических партий нельзя в отрыве от проблемы возникновения идеологии национализма, без изучения его психологии (канд. ист. наук В. П. Булдаков). История не может быть объективной без анализа мусульман-

ского национализма уже потому, что в рамках своих традиционных культур народы создавали свое представление о социализме. Не следует отмахиваться от изучения идеологии, пытающейся соединять марксизм и религию. Только с учетом этого можно многое понять из практики революционного движения в Средней Азии. История, как известно, знает не только пролетарскую и крестьянскую революции, но и революции солдатскую, национальную и т. д. Что касается национальных революций, то все они связаны с аграрным фактором. Однако типы революций не могут быть обособлены. Какова была конкретная связь между ними? Очень трудно, но необходимо проследить, как идеи из одного потока проникали в другой. Тогда многое стало бы на свои места (доктор ист. наук Ф. Х. Касымов).

Надо быстрее поднимать пласты неисследованных документов, особенно на узбекском языке, источники, проливающие свет на подлинную историю масс (канд. ист. наук М. И. Вексельман, Ташкент). Важно выяснить, каково же было реальное участие трудящихся коренных национальностей в Октябрьской революции и в ходе дальнейшего развития края. Среди документов, дающих представления об этом, — личные дела бывших красногвардейцев и красных партизан, отложившиеся в госархивах ряда областей Узбекистана. Эти документы позволяют утверждать, что среди признанных специальными комиссиями красногвардейцев по Ташкентской, Андижанской, Самаркандской и Ферганской областям представители коренных национальностей составляют свыше 20%.

Немаловажное значение для установления участия коренного населения в революционных событиях в Узбекистане имеет их причастность к партии. По неполным данным, в рядах КПТ в начале 1920 г. насчитывалось со стажем с 1917 г. — 64, а с 1918 г. — 609 узбеков. Всего же в рядах КПТ к этому времени насчитывалось 1449 представителей коренных национальностей со стажем до 1919 г.

Не менее важно подходить к изучению истории Октябрьской революции с учетом позиций авторов публикаций 20—30-х годов (канд. ист. наук С. И. Гершovit, Ташкент). Работы С. Муравейского, П. Алексеевского, Е. Федорова, Ф. Божко, С. Ходжанова, А. Чуманенко, П. Галузо, Л. Резцова и других дают представление и о степени участия трудящихся коренных национальностей в революции. Например, Т. Рыскулов в своей книге «Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 г.» отмечал, что вначале трудящиеся массы коренного населения, особенно середняцкие элементы кишлака и аула, пассивно относились к революции. В то же время он подчеркнул, что «активный туземный элемент в лице рабочих и батраков, а также левого крыла интеллигенции, вышедшего из беднейших слоев населения, сразу примкнул к Советской власти».

Участие трудящихся коренных национальностей в преобразовании жизни края на новых началах, особенно их работа в Советах, — проблема, требующая особо пристального внимания. При этом нужно учесть, что Советы под влиянием развития революционного движения прошли сложный путь от Февраля к Октябрю, от революционно-демократической власти рабочих и крестьян к диктатуре пролетариата (чл.-кор. АН КазССР К. Нурпеисов, Алма-Ата). В условиях двоевластия, обусловленного в Казахстане социально-экономическим и политическим положением края, его многонациональным и в основном мелкобуржуазным составом населения, расположенном здесь сибирских, оренбургских, уральских и семиреchenских казачьих войск, формирование Советов осуществлялось в значительной степени под влиянием рабочих-тыловиков и солдат-фронтовиков. Аналогично шел процесс создания Советов в Киргизии (доктор ист. наук Д. М. Малабаев, Фрунзе) и Узбекистане (канд. ист. наук Х. А. Аминов, Самарканд).

Деятельность Советов периода Февральской и Октябрьской революций также требует новой оценки.

Начальный ленинский этап формирования Советского многонационального государства по своим результатам, опыту, методологии имеет особое значение (доктор ист. наук Р. Т. Шамсутдинов, Андижан).

Пристальное внимание следует уделить такой особенности советского строительства в регионе, как мусульманские национальные Советы, сыгравшие положительную роль в привлечении масс коренного населения к революционным преобразованиям края. С самого начала своей деятельности муссоветы, объединив национальных рабочих, стремились установить тесный контакт с Советами рабочих и солдатских депутатов и работать под их руководством. Сейчас важно выявить характер работы муссоветов, всегда ли они поддерживали платформу большевиков, насколько самостоятельно действовали? Кроме того, необходимо доказать или опровергнуть утвердившуюся в литературе точку зрения о том, что в сентябре 1918 г. декретом ЦИК ТАСССР все муссоветы были переименованы в районные Советы рабочих, солдатских и дехканских депутатов. Анализ протоколов муссоветов, общих собраний коммунистов-мусульман и заседаний комиссии ТуркЦИК, прибывшей в мае 1919 г. в Фергану, показывает, что муссоветы и продолжившие их национальные ревкомы в ряде уездов Ферганской области существовали до сентября 1919 г. Думается, что деятельность этих органов была прекращена преждевременно, в силу чего они не успели использовать все свои возможности.

Сегодня, когда мы пытаемся воссоздать правдивую историю Октябрьской революции, вопрос об отношении к ней дехканских масс, составлявших подавляющее

большинство населения Среднеазиатского региона, должен быть одним из стержневых. Он тесно связан с возникновением и деятельностью разнообразных по форме союзов трудящихся коренных национальностей. Противоречивый процесс превращения большей их части в опору большевиков требует глубокого научного анализа. Слабо изучен пока социальный состав «Иттифаков». Хотя они и характеризуются как классовые организации, но в их составе были представлены не только рабочие и ремесленники, но и кустари, мелкие торговцы, горожане, занимающиеся сельским хозяйством, т. е. многие представители непролетарских слоев трудящихся. Требуется многопланового изучения и непростой процесс превращения «союзов трудящихся мусульман» в революционно-демократические организации, их ориентация в сторону революционного пролетариата. Во всяком случае, анализ деятельности различных массовых объединений трудящихся коренных национальностей свидетельствует о том, что наиболее активная их часть — батраки, безземельная и малоземельная беднота — по мере развития революционного процесса твердо становилась на сторону рабочего класса и его политического авангарда. Остальная часть трудового дехканства занимала позицию дружественного нейтралитета. В период Октября контрреволюция опоры в дехканских массах не нашла. Убедительное тому доказательство — неприсоединение коренных трудящихся масс к деятельности «Кокандской автономии».

Хотя классовое расслоение в Туркестане среди коренного населения в период как Февральской, так и Октябрьской революции было незначительным (Е. А. Прилуцкий, Ташкент), шел процесс политического размежевания общества. Параллельно объединениям местных трудящихся консолидировались национальная буржуазия, феодально-клерикальные элементы, буржуазная интеллигенция. Наиболее последовательную позицию в области национальной политики заняли Советы, особенно Советы мусульманских рабочих депутатов, представлявшие национальный рабочий класс, городскую бедноту, ремесленников. Следует отметить, что деятельность мусульманских Советов как специфической формы революционной демократии в условиях Туркестана нуждается еще в переосмыслении. Ведь их практическая работа проходила в условиях ожесточенной классовой борьбы, осложнялась господством докапиталистических и дофеодальных отношений, малочисленностью пролетариата, слабостью большевистских организаций, сильным влиянием религии, наличием межнациональных и родоплеменных противоречий, общей экономической и культурной отсталостью края. Всегда ли в этих условиях Советы рабочих и солдатских депутатов выбирали верную тактическую линию? Во всяком случае, узкоклассовое понимание некоторыми руководителями туркестанских большевиков сущности и задач победившей революции сказалось на своеобразии их тактической линии по ряду вопросов политической, социально-экономической, духовной жизни края (доктор ист. наук Р. Я. Раджапова). Так, в одном из пунктов Декларации III съезда Советов Туркестана (ноябрь 1917 г.) отмечалось, что «привлечение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представлятельство которых в органе высшей власти фракция приветствовала бы». Такая трактовка сущности социальной революции, признание приоритета, в руководстве новой революционной власти лишь за пролетарскими слоями населения — вела к отрицанию других революционно-демократических сил, отстранению трудящихся местных национальностей от участия в высшем органе революционной власти края.

Это не могло не отразиться на затянутости решения демократических задач пролетарской революции в Туркестане, снижении степени включенности трудящихся местных национальностей в социальное переустройство общества, изоляции в определенной степени пролетарских масс от демократического большинства. Это, соответственно, сказалось на некотором ослаблении социальной основы революционных преобразований, затянутости здесь гражданской войны, борьбы с басмачеством, обусловило использование административно-командных методов в решении ряда проблем во второй половине 20-х годов. Одновременно это отрицательно отразилось на уроках разрешения аграрного вопроса (канд. ист. наук Т. К. Афанасьева, Ташкент). Только к 1929 г. в крае было ликвидировано 21,8 тыс. помещичьих и других нетрудовых владений и урезаны наделы у 56,9 тыс. байских хозяйств. Все это изменило социальную структуру кишлака, что выразилось в значительном сокращении бедняцко-батрацкой прослойки. Однако реформа была свернута, что не могло впоследствии не сказаться на ходе социалистических преобразований. Факты доказывают, что у дехканства Средней Азии, как и у крестьянства России, был реальный путь к социализму, открытый Октябрьской революцией. Но чтобы двигаться по этому пути, необходимо было ясное понимание соотношения социалистических, национальных и общедемократических задач, понимание недопустимости смещения, по словам В. И. Ленина, «мнимосоциалистического и реальнодемократического содержания переворота». В реальной же жизни произошло как раз то, от чего он предостерегал, говоря, что «социализм нельзя навязать крестьянам насильно».

В прошлом оценка развития экономики Туркестана в послереволюционный период во многом давалась, исходя из «Краткого курса истории ВКП(б)». Например, оправдывали всеобщую национализацию, формы ее проведения (доктор ист. наук

Р. А. Нуруллин, Ташкент). Было ли правильно, например, то, что Туркестан в деле национализации опередил даже центральные районы России? (Скорее всего, это можно характеризовать не иначе, как левацкий заскок. Во всем этом пришло время разобраться.

Нуждается в переосмыслении и проблема рабочего контроля. Сейчас необходимо раскрыть конкретные формы его деятельности, показать взаимосвязь рабочего контроля с органами Советской власти. Думается, что настало время отразить в истории роль тех и других в организации распределения материальных благ. По сути дела целый пласт общественных отношений, сложившихся на базе нового способа производства, не нашел освещения в исторической литературе (канд. ист. наук Л. А. Попова). Тот факт, что одной из основных причин социальной революции явилось движение трудящихся масс за утверждение социальной справедливости в сфере распределения, не подлежит сомнению; это движение весьма ощутимо развивалось и в Туркестане. С учетом этого партийным и советским аппаратом власти создавались различные органы распределительного характера. Однако наладить их деятельность оказалось довольно сложно. Идея равномерного распределения, под знаком которой осуществлялась эта работа, не приживалась на почве антидемократических отношений, пережитков патриархально-феодального уклада жизни. Выдвигнутая революционным процессом на первый план идея распределения не вписалась в систему производства, привела к централизации материальных благ в руках аппарата управления. Отсутствие рыночных отношений объективно приводило к субъективизму и отражало ту степень исторического развития, на которой зарождалась кочанно-административная система регулирования распределения. В этих условиях не мог не сложиться номенклатурный характер распределительных отношений, ничего общего не имеющий с социализмом. Это была одна из причин слабого вовлечения в управление масс коренного населения, неприятия провозглашаемых лозунгов равенства, а зачастую и враждебности к ним. Думается, что этим также создавалась почва для развития басмачества.

Вопросами басмачества сейчас стали заниматься многие общественеды (канд. ист. наук К. Н. Абдуллаев, Душанбе). Надо решительно пересмотреть устоявшееся представление, якобы единственным виновником развития басмачества был английский империализм. Нельзя при исследовании данной проблемы полностью отрицаться от выводов зарубежных ученых. Отсутствие у советской историографии позитивного интереса к судьбам выходцев из Средней Азии, оказавшихся за рубежом, контрастирует с тем вниманием, которое проявляется к среднеазиатской эмиграции на Западе, где вышел целый ряд работ на эту тему. Надо отказаться от интеллектуальной изолированности, в которой продолжает пребывать советская историография, чье развитие во многом сдерживается узостью источниковой базы. Необходимо расширить ее за счет литературы, ранее рассматривавшейся исключительно как объект контрпропагандистской критики (ввиду зарубежного происхождения или недостаточной идеологической «чистоты» их авторов. Нас не могут не волновать причины эмиграции из Средней Азии в послереволюционный период в сопредельные страны. Важно определить, какие механизмы двигали этими людьми в период «первой» и особенно «второй волны» послереволюционной эмиграции, которая пришлась на конец 20-х годов, т. е. на период проведения коллективизации и переселения во вновь организованные колхозы. Это было основной причиной, обострившей ситуацию, еще более усугубившуюся развернутой по всей стране «антирелигиозной борьбой». Ведь согласно сталинской теории усиления классовой борьбы, духовенство, в том числе прогрессивное, было объявлено агентурой империализма и на него и верующих были обрушены массовые гонения и репрессии. Началось повсеместное закрытие мечетей и старометодных школ. В 1927 г. были упразднены суды ада-та и шарната, конфискованы вакуфы. Верующие были лишены права паломничества в Мекку. В результате в конце 20-х годов началась миграция населения Средней Азии в Западный Китай и Афганистан. Это лишний раз свидетельствовало о том, что до революции мусульманское духовенство Туркестана имело сильное влияние на трудящиеся массы (канд. ист. наук И. А. Алимов, Ташкент). В отличие от других представителей культа, оно выступало не только организатором культа, но и суда, просвещения и т. д., т. е. выполняло часть государственных функций.

Мусульманское духовенство всегда было крупным землевладельцем. Халифы и крупные феодалы обращали в вакф землю и другое имущество в пользу религиозных учреждений. Понятно, что попытка немедленно национализировать вакфные имущества на общих основаниях не могла способствовать целям упорочения Советской власти. Объективные условия первых послеоктябрьских лет требовали узаконения неприкосновенности вакфов. Их национализация явилась средством прекращения функционирования мечетей, медресе, мактабов, что вызвало естественное недовольство не только духовенства, но и прихожан, т. е. фактически всего коренного населения.

Левацкая позиция большевиков Туркестана по отношению к религиозным чувствам верующих также стала одной из существенных причин развития басмачества.

Феномен басмачества, как теперь становится совершенно очевидным, складывался из разных источников, одним из которых было искажение национальной политики. И этот вопрос требует глубокого изучения (доктор ист. наук К. Х. Хасанов,

Ташкент). Это касается и «Кокандской автономии» (канд. ист. наук М. К. Хасанов, Ташкент). «Кокандская автономия» и тесно связанный с нею новый раунд развития басмачества, ознаменовавший превращение обычной бытовой уголовщины в явно политизированное движение, охватившее на определенном этапе довольно широкие слои коренного населения, является горькой и поучительной иллюстрацией известного ленинского положения о том, что «политика — это фактическая судьба миллионов людей»¹. Ведь идея автономии Туркестана родилась еще до победы Октября и была популярна не только в среде исламских фундаменталистов, национальной буржуазии, но и части демократически настроенной национальной интеллигенции, а также среди рядового дехканства, входившего в небезызвестные «Иттифаки».

Особого внимания ученых сегодня заслуживает историография проблемы «Кокандской автономии». Надо признать, что многие теоретические положения наших буржуазных оппонентов в ряде случаев заслуживают не только и не столько критики, сколько необходимости серьезно задуматься над истинным положением дел.

Наличие определенного массива изданий по критике буржуазной литературы, в частности по истории Октября, является историческим фактом, что обуславливает необходимость ее историографического изучения под следующим углом зрения: в какой мере правомерной и исторически оправданной была критика, аргументированы ли были ответы на нее со стороны отечественных историков (Г. П. Уфимцев, Ташкент). Следует также выяснить, что конкретно сделано советскими критиками буржуазной литературы по Октябрю и что еще предстоит сделать в этом направлении. Хотя в общих чертах историография Октябрьской революции показывает, что не только отдельные факты, но и целые периоды ее развития либо остались за пределами внимания ученых, либо получили одностороннее толкование (канд. ист. наук С. С. Агзамходжаев, Ташкент).

Период ломки не только патриархально-феодальных отношений, но и традиционных понятий и представлений, каким является период Октябрьской революции, невозможно изучать, не используя нового массива документальных источников и материалов на узбекском языке. Без этого нельзя понять многие явления, свойственные данному народу, либо группе народов. Это относится и к джадидизму. Сегодня мы еще не в состоянии вскрыть его социальную сущность только потому, что не знакомы с источниками. Джадидизм несомненно был прежде всего культурно-просветительным движением, имевшим прогрессивное значение в условиях феодально-патриархальной Средней Азии. Но по ряду вопросов, связанных с джадидизмом ответов пока нет. Среди них — вопрос о его эволюции, ибо на каждом этапе джадидизму приходилось приспосабливаться к сложившейся обстановке, менять тактику (канд. ист. наук С. С. Агзамходжаев, Ташкент).

В новом освещении сегодня нуждается процесс консолидации национальной буржуазии в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, где консолидировавшиеся на базе джадидизма и других течений противники эмирской власти и феодальных отношений из представителей наиболее образованной части общества, прежде всего его буржуазных слоев, стали формировать партии младохивинцев и младобухарцев. Важно, отказавшись от старых схем и догм, показать деятельность этих политических организаций накануне решающего штурма старого строя (доктор ист. наук Ф. Х. Касымов).

Следовало бы выявить, стояли ли джадиды во главе национального общедемократического движения, насколько были причастны к национализму местной буржуазии? Историкам надо раскрыть ту роль, которую сыграли джадиды в начальный период освободительной борьбы в Бухаре и Хиве. Там джадидизм многими чертами отличался от туркестанского. Ведь нарождавшиеся в ханствах буржуазные элементы в своей практической политике на начальных этапах антимонархической и антиимпериалистической борьбы были в какой-то мере более радикальны, чем национальная буржуазия Туркестана. Глубокое изучение джадидизма несомненно представит новые акценты на характере национально-освободительного движения в момент Октябрьской революции, даст новые имена, освещение которых в нашей историографии шло односторонне (доктор ист. наук, Ф. Х. Касымов).

Пришло время для «очеловечивания» истории, наполнения ее не только правдивыми событиями, явлениями, но и людьми, за именами которых стоят реальные судьбы. Наша задача — показать участников Октябрьской революции в Средней Азии без фальшивой фетишизации. Причем нужно учесть, что каждое поколение по-своему рассматривает и значение революции, и роль ее участников (доктор ист. наук Г. А. Хидоятов).

Что касается плеяды революционеров, сформировавших свои убеждения под влиянием В. И. Ленина и ставших в конечном итоге жертвами складывавшейся административной системы, то нужно учесть их роль и место в революции (В. А. Иванов, Ташкент). Надо отказаться от односторонних оценок, ярлыков прошлого в отношении таких деятелей, как Г. И. Сафаров, Д. И. Манжара, П. А. Кобозев, В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе, А. Клевелев и др. Сегодня особенно актуальным становится переиздание публикаций 20—30-х годов по теме Октября.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 132.

Сделанные на конференции доклады и сообщения, а также развернувшаяся дискуссия по наиболее актуальным проблемам истории Октябрьской революции свидетельствуют о начавшейся перестройке исторического сознания научной общественности регионов, появлении ростков нового мышления.

Переориентация исследовательских направлений и выделение в качестве самостоятельных многих факторов исторического процесса позволили по-новому взглянуть на революцию в Туркестане и сделать вывод о том, что ее самобытность не есть лишь проявление национальных особенностей, а проявление сущностного порядка.

В «Рекомендациях», принятых участниками конференции, было обращено внимание на необходимость:

- углубления изучения теоретико-методологических проблем Октября, прежде всего применительно к реальной действительности Средней Азии и Казахстана: типология революций, национально-освободительного движения, соотношение социалистического, демократического и национального и др.;

- расширения публикаций по истории Октябрьской революции, усиления историко-ведческой работы с архивными документами и материалами, к которым получен доступ в последнее время; внедрения новых методов анализа массовых источников;

- усиления историографических исследований, переоценки историографического наследия по Октябрю, особенно по джадидизму, «Алаш-орде», национальным политическим партиям, истории «Кокандской автономии» и др.;

- переиздания наиболее значительных исторических трудов 20-х годов (Сафарова, Галузо, Тюрякулова, Рыскулова, Манжары, оборников типа «Красная летопись» и др.) с необходимыми предисловиями и комментариями;

- более глубокого изучения недостаточно освещенных проблем истории Октября в Средней Азии и Казахстане, в том числе истории «Шуро-и-Ислам», «Шуро-и-Улемы», движения джадидов, «Иттифаков», Советов мусульманских депутатов, «Кокандской автономии», басмачества, деятельности зарубежной эмиграции и т. п.;

- создания серии научно-литературных портретов политических деятелей края периода Октября (Тоболлин, Успенский, Мунаввар-кары, Бекбуди, Кобозев, Рыскулов, Чокаев, Сафаров, Авлонн, Шомансуров, Фитрат и др.) на узбекском и русском языках;

- издания в Ташкенте исторического журнала, рассчитанного как на специалистов, так и на широкую аудиторию;

- публикации научно-популярной литературы по истории Октябрьской революции в Средней Азии.

Конференция прошла на должном научно-теоретическом и организационном уровне и стала частью общей работы республиканского научного Совета по проблемам Октябрьской революции.

Р. Я. Раджапова, Л. А. Попова

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. Д. АСФЕНДИАРОВА

В октябре 1989 г. исполнилось 100 лет со дня рождения крупного казахского ученого, видного партийного, советского, государственного и общественного деятеля Санджара Джафаровича Асфендиярова. Общественность Казахстана широко отметила его юбилей. 30 октября 1989 г. в Доме ученых АН КазССР состоялась научно-теоретическая конференция «С. Д. Асфендияров: время, жизнь и творчество». «Слово об Асфендиярове» произнес директор Института истории, археологии, и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова, акад. АН КазССР М. К. Казыбаев. Затем были заслушаны доклады: академика-секретаря Отделения общественных наук АН КазССР, акад. АН КазССР Р. Б. Сулейменова — «Проблемы истории Казахстана и республик Средней Азии в научном наследии С. Д. Асфендиярова», ст. научного сотрудника Института истории партии при ЦК КПУз М. М. Махмудова — «О партийной и государственной деятельности С. Д. Асфендиярова в 1917—1925 гг.», ректора КазПИ им. Абая, проф. Т. С. Садыкова — «Вклад С. Д. Асфендиярова в укрепление интеллектуального и кадрового потенциала Советского Востока», ст. научного сотрудника ИВ АН УзССР М. Ю. Юнусходжаевой — «С. Д. Асфендияров — востоковед», ст. научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР Х. М. Абжанова — «С. Д. Асфендияров о культуре и науке», проректора по научной работе АГМИ им. С. Д. Асфендиярова, доц. А. Д. Соколова — «С. Д. Асфендияров и организация здравоохранения и медицинской науки в Казахстане».

31 октября 1989 г. состоялось торжественное собрание общественности города, а 1 ноября — собрание профессорско-преподавательского состава и студентов АГМИ им. С. Д. Асфендиярова, где с докладами выступили ученые республики, ученики, сослуживцы и родственники С. Д. Асфендиярова.

Выступавшие отмечали, что талантливый ученый С. Д. Асфендияров вошел

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

ИСТОРИОГРАФИЯ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАРОДНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ 1920 ГОДА В ХОРЕЗМЕ И БУХАРЕ

Сегодня никто не вправе отрицать значительного влияния перестроечных процессов на массовое историческое сознание общества. Мы являемся свидетелями революционного обновления духовного бытия нашего народа, ибо восстанавливается его история, на глазах меняется его социальная память. На крутых поворотах истории интерес к прошлому обычно усиливается, небывалые масштабы приобрел этот интерес и сегодня.

Создание правдивой и объективной картины сложного и противоречивого развития нашего общества от Октября к эпохе перестройки только начинается. Процесс переосмысления пройденного пути идет и на материале истории Узбекистана, Средней Азии в целом.

Известно, что народы Туркестана, Бухары и Хорезма были первыми, кому история предоставила возможность использовать возникшие в результате Великого Октября благоприятные условия для скачка от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Они использовали эту возможность и одновременно с другими народами нашей страны пришли к социализму. Но тут же возникают вопросы, задаваемые исторической науке периодом перестройки: к какому социализму они пришли? Какой социализм мы построили? Из одних ли достижений и побед соткан был путь некапиталистического развития среднеазиатских народов или были на этом пути потери и ошибки? Эти вопросы требуют своего ответа.

В проблематике «Октябрь в Средней Азии» особо выделяется тема народных советских революций 1920 г. в Хорезме и Бухаре. ХНСР и БНСР, созданные на обломках монархического строя, были своеобразными государственными образованиями переходного типа, призванными решать задачу ликвидации добуржуазных отношений в социально-экономической и политической структуре общества, подготовки соответствующих условий для вступления их народов на социалистический путь развития, минуя капитализм. История этих республик дает поэтому богатый и благодатный материал для выявления конкретных форм начальных этапов некапиталистического развития отсталых крестьянских стран к социализму.

Народные советские революции 1920 г. явились самым значительным событием политической истории Средней Азии в период от Октября до национально-государственного размежевания. Идя непроторенным путем, наощупь, они сразу приступили к коренной ломке старого строя, к осуществлению политических, экономических и культурных преобразований с ориентацией на социалистическую перспективу.

Почти шесть десятилетий насчитывает советская историография Хорезмской и Бухарской народных революций. Историческая мысль, хотя и медленно, с трудом подступалась к теме, но в целом верно оценила характер происходивших в Хиве и Бухаре социальных перемен. Наше время предъявляет этой историографии новые требования, выдвигает сложную задачу проникновения в самую суть процессов, доселе невиданных в тысячелетней истории Бухары и Хорезма. Прежде чем говорить о некоторых важных аспектах новейшей историографии темы, окинем общим взором ее предшествующий путь развития. Это тем более важно, что путь этот изобилует взлетами и падениями, зигзагами и поворотами.

Освещение вопросов истории революций в Бухаре и Хиве началось сразу же после победоносных народных восстаний. Первые шаги исследований совпали по времени с поступью самой революции и в силу тогдашних условий были отмечены небольшими статьями и брошюрами. Из ранних работ привлекают внимание статьи А. Машкицкого, В. Юдовского, Г. Скалова. У истоков историографии народных революций стояли их активные участники и руководители — Ф. Ходжаев, Г. Скалов, С. Айни.

В силу условий конкретно-исторического развития Бухары сентябрьская революция 1920 г. оказалась побогаче культурно-научными силами, что благотворно сказалось на развитии местной историографии — весь период 20-х годов отмечен интенсивным изучением предпосылок и хода революции в Бухаре. Особенно благоприятным оказался 1926 год, когда формирующаяся историография Бухарской революции обогатилась авторитетным свидетельством двух крупных знатоков дореволюционной действительности, активных участников освободительного движения в эмирате и строительства нового общества. В Москве и Ташкенте вышли воспоминания С. Айни и Ф. Ходжаева. Эти труды меняли привычные представления о жатре мемуаристики, содержали в себе немало элементов истинно научного подхода к описываемым событиям. И хотя затем был период, когда эти ценные работы надолго были преданы забвению и вычеркнуты из памяти народа, они на много лет вперед предвосхитили многие оценки и выводы нынешней историографии.

Десятилетие народно-демократических революций (1930 г.) молодая историография отметила двумя работами — сборником воспоминаний и брошюрой О. Гловацкого «Революция побеждает. Экономические и политические предпосылки Бу-

харской революции». В сборнике особо привлекает внимание большая статья активного участника обеих революций А. Акчурина.

Через два года, в 1932 г. вышла итоговая работа Ф. Ходжаева «К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии», которой, собственно, и завершается первый, двенадцатилетний период изучения народных революций 1920 г. Далее, если не считать не найденной до сих пор рукописи переработанного труда Ф. Ходжаева, в историографии важной темы наступило длительное затишье, вызванное главным образом разгулом сталинских репрессий. Вплоть до середины 50-х годов мало кто отваживался брать за изучение истории джадидского движения в Бухаре и Хиве, предпосылок создания единого антимонархического фронта в ханствах, победы и укрепления новой, революционной власти. Официального запрета на эти темы не было, но была боязнь ошибиться «роковым образом», были робость научной мысли, предвзятость, нежелание вдаваться в глубокое изучение сложных явлений. Стремление подогнать факты и события под заранее заготовленные схемы и формулировки серьезно обеднило историографию, больше того, оно отбросило ее назад, лишив веры в уже достигнутое, выстраданное.

Одним из первых оживил в конце 40 — начале 50-х годов интерес к изучению наметившейся проблематики А. И. Ишанов. В его трудах, а также в работах Я. Шаралова, К. Мухаммедбердыева и др. заметно расширен круг изучаемых вопросов, вовлечено в научный оборот много новых фактов и сведений. Вместе с тем эти работы были отмечены печатью прошлого, изложенная в них научная мысль была зажата тисками замшелых догм. По-прежнему поносились в этих трудах младобухарцы и младохивинцы, односторонне рисовалась картина сложных взаимоотношений между представителями различных слоев и группировок, «презренными врагами» народа и революции назывались Ф. Ходжаев и его окружение. Даже хрущевская «оттепель» не повлияла благотворно на местную историографию.

Положение несколько меняется с середины 60-х годов, когда исследователи стали глубже вникать в революционную ситуацию в Хиве и Бухаре, привлекая для анализа новый массив фактического материала. Впервые после длительного перерыва стало возможно говорить о роли и участии представителей мелкой и средней буржуазии и интеллигенции ханств в освободительном движении, возвращено доброе имя многим жертвам репрессий. Необходимо отметить настойчивый научный поиск А. И. Ишанова, сумевшего признать и преодолеть свои односторонние оценки и взгляды на ряд важных вопросов истории революции в Бухаре. Благодаря его неутомимым исследованиям, а также трудам Г. Непесова, Х. Ш. Иноятова, Х. Т. Турсунова, Н. Каландарова, А. В. Макашова, Т. Тухтаметова и др. стала значительно проясняться картина предреволюционной обстановки в Бухаре и Хиве, определены закономерности и особенности вступления хивинских и бухарских трудящихся на некапиталистический путь развития, пролит свет на ряд малоизученных сторон истории ХНЮР и БНЮР.

Период 70 — первой половины 80-х годов был временем, когда интенсивно изучались история возникновения и развития коммунистического движения в Бухаре и Хиве, политические, экономические и культурные преобразования в народных республиках, гражданская война в них, их взаимоотношения с РСФСР. Не чурались ученые и теоретических аспектов проблемы. Наиболее заметны здесь усилия С. Зиманова, А. И. Ишанова, Х. Т. Турсунова, сделавших ряд верных обобщений о закономерностях слияния разнородных антимонархических потоков в революции 1920 г., характере установленной в бывших деспотиях власти, направленности политических и социально-экономических преобразований, осуществленных на разных этапах развития республик.

За последние десятилетия подготовлено большое количество диссертационных работ, в которых нашли освещение различные вопросы истории Бухары и Хорезма в первой четверти XX в. Значительное число статей и брошюр посвящено 50- и 60-летию народных советских республик, которые широко отмечались в Бухаре, Ургенче, Ташкенте. Появились сборники воспоминаний, архивных документов. Обогатились музейные экспозиции, отражающие историю установления и укрепления Советской власти в этих районах. На исторических факультетах местных вузов стали читаться спецкурсы по истории народных революций. Налицо, казалось бы, повышение уровня исторического образования масс по важнейшему компоненту общей проблемы «Октябрь в Средней Азии», и все же необходимо воздержаться от соблазна считать, что поле изучения истории народных революций 1920 г. достаточно распахано. Это тем более верно, если учесть те перемены, которые происходят в нашем историческом мышлении.

В условиях перестройки, в свете современных требований можно даже говорить о «замирании» в научно-исследовательской работе по данной проблематике, о наличии в ней некоего «вакуума». Историки как бы выжидают, пытаются определить на примере смежных тем «дозу гласности» применительно к своей теме. Сейчас, когда всюду говорят об искажении нашего прошлого, о бесчисленных «белых пятнах», наступило какое-то замешательство, известная растерянность — как быть дальше? как опровергнуть уже известное, устоявшееся? К сожалению, ответ на эти и подобные вопросы затягивается. В силу специфики исторического познания, нашей приверженности к долговому оформлению результатов научного поиска никто не ожи-

даёт, разумеется, ежегодного выпуска ряда крупных монографий или коллективных трудов, но ведь нет и попытки хотя бы в исследовательской статье определить круг новых задач! Это в полной мере относится и к проблематике народных революций 1920 г. За годы перестройки историки еще не приступили к накоплению того научно-информационного материала о Хорезмской и Бухарской революциях, на котором можно строить оригинальные выводы и обобщения.

Между тем целый ряд вопросов, связанных, например, с возникновением оппозиционного движения в ханствах, остается малоизученным. Деятельность джадидов в годы, предшествовавшие оформлению коммунистических организаций, достаточно не освещена и не оценена. Историкам следовало бы отразить в своих трудах ту значительную роль, которую сыграли джадиды в начальный период освободительной борьбы в Бухаре и Хиве. Там джадидизм многими чертами отличался от джадидизма туркестанского. В ханстве нарождавшиеся буржуазные элементы в своей практической политике на начальных этапах антимонархической и антиимпериалистической борьбы были более радикальны, чем национальная буржуазия Туркестана.

Критика существующего строя, требование реформ в экономике, государственном управлении, культуре представляют в условиях феодальной тирании явление прогрессивного характера. В одной из историографических работ по Бухарской революции еще в 60-х годах была сформулирована задача — подготовить специальный труд «История младобухарского движения». Но она остается еще нерешенной. Нет надобности доказывать актуальность трудов под таким, примерно, названием: «Джадиды перед лицом истории».

Ученым следует более детально рассмотреть деятельность политических партий накануне решающего штурма старого строя. При этом важно, не преувеличивая в угоду старым схемам и догмам степень революционизирования дехканских масс, ремесленников, немногочисленных рабочих, показать нарастание революционной ситуации в ханстве. Многое еще предстоит сделать и в освещении победы народной Советской власти на окраинах ханств — в пустынной зоне Хивы, горных районах Восточной Бухары.

Все еще отсутствуют конкретные исследования по истории местного крестьянства, городских ремесленников, интеллигенции — основных движущих сил народно-советской революции. Перед историками и правоведами стоит и задача полнее осветить формирование социально-классовой структуры нового, Советского государства в Бухаре и Хорезме, достижение возможно большего соответствия деятельности аппарата народно-демократического государства целям некапиталистического развития.

В связи с этим встает вопрос о характере народных революций. Наиболее полно охватывают его в своих трудах А. Ишанов и С. Зиманов, которые характеризуют новую власть в Бухаре и Хорезме как революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства с ясно выраженной социалистической ориентацией. Что касается ориентации, то подмечено верно, но как быть с диктатурой пролетариата и крестьянства, когда в республиках не сформировалось даже слоя (не говоря уже о классе) рабочих?

Выше отмечалась необходимость определения, на основе глубокого изучения источников, степени участия народных масс в советских переворотах в ханствах. Это напрямую связано с определением роли Красной Армии в ликвидации монархических правительств и характера установившейся новой власти. Историография темы накопила достаточно фактов, свидетельствующих о том, что Красная Армия в лице пришедших на помощь бухарским и хивинским революционерам войск Туркестанского фронта сыграла решающую роль в утверждении здесь Советской власти. В плане советизации Бухарский эмир и Хивинское ханство, эти неотъемлемые части Средней Азии, в центре которой — Туркестане — установилась Советская власть, не должны были, видимо, составлять какого-то исключения для такого борника «казарменного коммунизма», как Троцкий. И дальнейшее существование народно-советских республик в значительной мере зависело от военно-политической поддержки со стороны РСФСР. Частично этим немаловажным обстоятельством, видимо, можно объяснить то, что в мемуарной литературе, например в книге Л. Разгона¹, Бухарская НСР названа суверенной в кавычках.

Документы, проливающие некоторый свет на вопрос о независимости народных республик, появлялись и раньше, но они незаметно тонули в общем потоке фактов и сведений, долженствующих показать полную самостоятельность и суверенность молодых советских государств. Так, в первом томе изданных в 1970 г. «Избранных трудов» Ф. Ходжаева публикуется его письмо на имя М. П. Томского, председателя комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана. Вкратце оценивая внутрипартийную борьбу в республике, Ф. Ходжаев писал: «Позволю себе смело выразить Вам, что если по вышеприведенным или по каким-либо другим причинам покажется Вам необходимым произвести какие-либо эксперименты в смысле смены

¹ Разгон Л. Непридуманное. М., 1989.

власти в Бухаре, то просим сообщить Нам заблаговременно, и мы окажем Вам услугу и передадим власть (тому), кому будет Вам угодно². Примечательное письмо. Оно приглашает исследователя к размышлению о социально-политической сущности советского переворота в отсталом среднеазиатском ханстве.

В определении социально-классовой структуры народно-советских государств, участия различных слоев населения в руководящих органах власти, особенно в начальные годы некапиталистического развития, продолжают бытовать старые положения и схемы. Так, участие национальной буржуазии, интеллигенции Бухары и Хорезма в государственном управлении в 1920—1922 гг. — факт, признаваемый всеми авторами. Но в объяснении этого факта историки медленно отходят от стереотипных фраз типа «буржуазные националисты обманным путем пробирались в руководящие органы республики». При этом не учитывается двойственность и неоднородность местной буржуазии, которая по мере развития революционных событий претерпела определенную эволюцию. До тех пор, пока ее объективные интересы совпадали с прогрессивным ходом развития истории, она сохраняла свои революционные потенции. Когда же на повестку дня революции была поставлена задача осуществления ряда экономических и социальных преобразований, непосредственно затрагивающих кровные интересы буржуазии как эксплуататорского класса, национальная буржуазия Хорезма и Бухары, верная своему кошельку, пошла (за исключением некоторых выходцев из нее) на сговор с контрреволюцией.

Общезвестна роль партии коммунистов в подготовке условий для перехода народов БНСР и ХНСР к социалистическому строительству. Важность этой темы должна привлекать внимание ученых, разрабатывающих проблематику как в плане гражданской истории, так и в историко-партийном аспекте. Но к настоящему времени удельный вес такого рода литературы незначителен. Выделяя своим объемом и серьезным подходом к раскрытию темы монографии Н. Каландарова по ХКП и Х. Т. Турсунова и А. В. Макашова — по БКП. Научная картина возникновения и развития коммунистического движения в этих регионах Средней Азии должна охватывать и специфику зарождения такого движения в условиях феодальной действительности, и особенности «левизны» и «курса на Октябрь» в процессе некапиталистического развития, и помощь коммунистов Советской России своим собратьям по классу в выработке правильной линии на ликвидацию эксплуататорских порядков и подготовке условий для перехода к социалистическому строительству.

Не проявляют историки должного интереса к экономической проблематике. Многие стороны хозяйственной жизни республик остаются малоисследованными. Вопрос о наличии элементов политики военного коммунизма поставлен лишь применительно к Бухарской республике; определяется степень соответствия политики народно-советских правительств содержанию нэпа. В литературе признается начало вхождения БНСР и ХНСР в экономическую систему «нэповской России», но при этом не делается различия между социально-экономическим строем этих государств.

В наше время бурного роста национального самосознания и неадекватного обострения межнациональных отношений приобретает особую актуальность проблема национальных взаимоотношений в БНСР и ХНСР. Большой интерес представляет изучение политики их правительств по отношению к туркменам в Хорезмской НСР, к таджикам и бухарским евреям — в БНСР. В республиках проживали и представители иных национальностей (русские и др.). В истории республик есть поучительные страницы, рассказывающие о совместной борьбе представителей разных национальностей за революционные преобразования. В то же время есть основания полагать, что, отдельные нынешние неурядицы в межнациональных отношениях своими корнями уходят в прошлое, в частности в период существования народных республик.

В ряду малоизученных тем — стратегия и политика национального примирения в Бухарской и Хорезмской республиках. Защита завоеваний народной революции была самым трудным делом советских правительств вплоть до 1924 г. Нельзя сказать, что история праждакской войны в БНСР и ХНСР изучена недостаточно. Сдвиги в этой области налицо, но есть необходимость более детально рассмотреть политические и экономические мероприятия властей, направленные на привлечение наиболее отсталой части дехкан, сочувствовавших басмачам, на сторону Советов, выявить специфические черты политики партийных и советских органов, выработавших правильное отношение к верующим массам республики. Привлечение и умелое использование сил местной интеллигенции, преданной новому строю, а также представителей мусульманского духовенства было большим достижением молодых республик и обеспечило успех программы национального примирения. Эти сюжеты приобретают актуальное звучание в свете фактов сегодняшней истории Афганистана, где также идет сложный процесс национального примирения.

Общим недостатком новейшей литературы по истории БНСР и ХНСР является то, что в ней нередко нарушаются принципы научности и историзма. В работах почти не показаны трудности, стоявшие на пути развития молодых республик, первыми в истории человечества прокладывавших путь некапиталистического развития,

² См.: Ходжаев Ф. Избр. труды. Т. I. Ташкент, 1970. С. 420.

со всеми ошибками, зигзагами, исканиями. Не подчеркивается значение накопления и осмысления практического опыта для выработки правильной политики. Нельзя думать, будто эта политика сразу формировалась в готовом виде и оставалось лишь проводить ее в жизнь. В. И. Ленин в докладе ЦК партии VIII съезду РКП(б) отмечал: «Мы должны были оплошеть и рядом идти ощупью»³. Ощупью, труднейшим методом проб и ошибок прокладывали себе дорогу и трудовые массы Бухары и Хорезма. Правдивое описание всех этих трудностей нисколько не унижают, а наоборот, гораздо полнее раскрывают самоотверженность народов, которые ценой огромных усилий добились перелома в своей судьбе. Да сегодня читателя и не убедить описанием «победного шествия» масс к социализму. Нужна правда, хотя и горькая, но правда.

Глубокого изучения заслуживает и история национально-государственного размежевания республик Средней Азии. Не проявились ли уже в ходе постановки и практического решения этой задачи первые признаки зарождавшейся командно-административной системы?

Осмысление новейшей научной литературы об историческом повороте народов Бухары и Хорезма к новой жизни показывает, что история народных революций 1920 г. «богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее»⁴, чем это предполагает сегодняшняя историография. Это выдвигает перед учеными сложную задачу глубокого, всестороннего выявления, исследования и обобщения конкретных специфических методов и путей, позволивших довести первый, демократический этап революций 1920 г. «гораздо дальше самого далекого конца демократической революции»⁵ — до социалистического этапа.

Таковы некоторые исследовательские задачи, встающие перед нами при разработке рассматриваемой проблемы с учетом того нового, что вводит в наше историческое мышление время перестройки, которые становятся особенно актуальными в связи с 70-летием народных советских революций в Хорезме и Бухаре.

Ф. Х. Касымов

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 138.

⁴ Там же. Т. 41. С. 80.

⁵ Там же. Т. 11. С. 115.

НОВЫЕ КНИГИ

И. М. ХАШИМОВ, М. М. КУТИНА. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ИНДИИ

(Ташкент: Фан, 1988. 283 с.)

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена анализу общих закономерностей и особенностей развития национально-освободительного движения в Индии, его идеологии на примере деятельности Индийского национального конгресса (ИНК), региональных общественных организаций в последней четверти XIX — начале XX в., когда стремление народов этой страны к национальной, территориальной и политической консолидации проявилось с большой силой.

В работе широко используются материалы из архивов Индии, официальные документы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Опираясь на них, авторы показывают, что идеология и политика ИНК с самого начала отражали интересы как формирующейся национальной буржуазии, так и чаяния широких слоев населения, особенности социально-экономических, идеологических и религиозных отношений в стране. Впервые дается подробный и всесторонний анализ двух основных направлений национально-освободительного движения в Индии в конце XIX — начале XX в.: буржуазно-либерального («умеренного») и радикально-националистического («крайнего»), — что имеет большое значение для правильного понимания политической позиции ИНК.

Как показано в разделе, написанном И. М. Хашимовым, программы и практические действия и либералов, и радикалов носили весьма противоречивый характер и были довольно слабыми, но все же они сыграли большую роль в освободительной борьбе в Индии; движение за самоуправление стало важным этапом на пути к независимости страны.

Другой раздел исследования, автор которого — М. М. Кутина, посвящен региональным общественным организациям Индии, действовавшим на рубеже XIX—XX вв. В нем на примере идейно-политических концепций некоторых провинциальных ассоциаций (в частности, мадрасской, махаращтрской, пенджабской), которые не только тесно сотрудничали с ИНК, но и активно участвовали в его создании, анализиру-